

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.11>

УДК 323.21

ББК 66.3(2Рос)6

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ВЕКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ¹

Морозов Сергей Иванович

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,
Волгоградский государственный университет
si.morozov@mail.ru, polit@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Кулешова Екатерина Львовна

Соискатель кафедры политологии,
Волгоградский государственный университет
kateno4-4ek@bk.ru, polit@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье обсуждается вопрос об актуальном состоянии политической идентичности населения Волгоградской области. Анализируются достижения и проблемы на пути поиска региональной политической идентичности, порожденные особенностями динамики регионального пространства. В работе изложены результаты эмпирического исследования структуры политической идентичности населения Волгоградской области.

Ключевые слова: идентичность, органы государственной власти, региональное развитие, региональная идентификация, региональные символы.

Актуальной проблемой современной России выступает многообразие оснований для общегражданской идентификации населения, вызванное сменой ориентиров политического развития страны. В результате характер электоральных кампаний определяется этническими, конфессиональными,

символическими, историческими и другими маркерами, различным образом группирующимися в отдельных региональных сообществах. Кроме того, в вопросе выбора новой модели идентичности необходимо учитывать то, что она не может приходиться в противоречие с региональными особенностями.

тями ее проявления. С одной стороны, это нужно с точки зрения поиска баланса между различными моделями политической идентичности в условиях функционирования автономных региональных систем для конструирования единой модели идентичности, а с другой стороны, исследование опыта построения региональных идентичностей актуально в плане необходимости выявления конфликтных, «подрывных» оснований, связанных в первую очередь с дезинтеграционными настроениями.

В связи с этим на повестке дня стоит вопрос поиска баланса между унификацией общероссийского политического пространства и региональным разнообразием в его конкретных, нередко амбивалентных проявлениях. При этом характерно, что региональные политические элиты как основные акторы, имеющие легитимные полномочия для структурирования локальной идентичности в рамках политического дискурса, могут выступать либо в роли транслятора государственной модели политической идентичности, либо, напротив, конструировать альтернативную модель политической идентичности.

Механизм конструирования региональной идентичности, как отмечают Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко и многие другие представители постструктурализма, завязан на двух стратегиях. Первая стратегия, формирующая ситуационную политическую идентичность, основывается на актуальной политической практике, и для ее формирования достаточно навязанных извне властных манипулятивных методов. Базисная, или надситуационная политическая идентичность, непосредственно относящаяся к политическому опыту субъекта, формируется в четыре этапа: возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; осознание собственной идентичности и формирование надситуационной идентичности; принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной политической идентичности [2]. Актуальность («рентабельность») избранной стратегии может быть оценена в основном через итоги федеральных и региональных избирательных кампаний.

Политическому актору, чтобы достигнуть поставленных задач, приходится действовать в различных направлениях и не всегда в единой тональности (в этом смысле в своих интересах политический актор применяет в единой комбинации различные структурообразующие элементы пространства). В то же время центральным фактором, с помощью которого можно манипулировать общественным мнением, является отношение «лидер-электорат». Именно поэтому в любой политической борьбе преимущество на стороне тех, кто может конвертировать это символическое отношение в реально работающий элемент кампании. Таким образом, особенно в электоральный период с помощью политики идентичности региональные политические акторы не только структурируют и «типизируют» социальное пространство, но и легитимируют собственные стратегии, что позволяет им манипулировать массовым сознанием и поведением.

Обратной стороной подобного усиления гегемонистских методов управления становится ослабление гражданских составляющих политической идентичности при одновременном росте иных референтных ориентиров, таких как этнос, конфессия, культура, цивилизация, и других субкультурных маркеров. В конечном счете активность акторов конструирования региональной политической идентичности, степень их активности, координация действий, применяемые ими стратегии определяют направленность и характер данной идентичности, особенностями которой выступают:

– иерархичность (поскольку идентичность в любом случае состоит из нескольких уровней, каждый из которых отражает принадлежность к разным территориям – от чувства принадлежности к малой родине через политико-административное и экономико-территориальное образование к пространству государства в целом);

– интенсивность (поскольку локальная идентичность отличается по степени интенсивности и по месту, которое она занимает в ряду других вертикальных видов идентичностей);

– ценность (поскольку региональная идентичность отображает территориальную самость и локальные нужды и интересы) [1].

Характер политической идентичности населения Волгоградской области определяется в первую очередь ее ситуационными свойствами. Это означает преобладание негативной идентификации населения региона, ситуационной саморефлексии, формируемой на уровне эмпатии (причем эта идентификация идет с региональными символами и федеральными лидерами). Это определяет несоответствие идеологического, партийного (электорального) и персонифицированного уровней политической идентичности. Кроме того, в Волгоградском регионе в постсоветский период сформировался специфический местный стиль политических взаимоотношений, заключающийся в борьбе элит между собой и с любым главой области независимо от его управленческих и лидерских качеств.

Для волгоградских элит начала 1990-х гг. была характерна не только общность взглядов (политических, экономических, мировоззренческих), но и строгая система подчиненности. Пересечения в интересах элитных групп случались редко. 4 сентября 1991 г. на пост главы администрации Волгоградской области был назначен И.П. Шабунин, который пребывал на этом посту до конца 1996 г., до первых в истории Волгоградской области губернаторских выборов, которые И.П. Шабунин проиграл Н.К. Максюте. Однако с 1996 г. по 2000 г. фактически регионом руководил лидер областного комитета КПРФ А.В. Апарина. Именно она одной из первых реализовала на практике, ставшей затем повсеместной, норму соревновательности в политике. Например, при подборе кандидатуры на должность председателя Волгоградской областной Думы она обозначила приоритеты в отношении сразу двух кандидатов – В.Ф. Лобойко и Р.Г. Гребенникова – и дала им шанс начать политическую борьбу за кресло спикера регионального парламента. С этого времени стал практиковаться принцип: кто покажет больше хороших политических качеств руководителя (умение договариваться, политическую эластичность и др.), тот и получит поддержку лидера элиты. Учитывая, что тогда коммунистам принадлежало около 80 % думских мандатов, А.В. Апарина могла принимать, по сути, окончательное решение.

Подобное развитие регионального политического процесса объясняет тот факт, что практически до 2000-х гг. волгоградский регион позиционировался на федеральном и региональном уровнях как «красный». Сложившиеся за 15 лет к началу 2000-х гг. в Волгоградской области политические традиции и практики обусловили формирование обстановки стабильности, предсказуемости действий региональной власти, последовательности всех политических и экономических процессов в области. Однако после назначения в конце 2009 г. главой администрации Волгоградской области А.Г. Бровко региональные элиты оказались в состоянии хаоса и непредсказуемости политического развития. Отличительными чертами политического процесса в области стала кулуарность в принятии решений и закрытая клановая структура властных группировок. В связи с этим особое внимание стало уделяться муниципальным выборам, так как победа «своих» кандидатов на выборах – это гарантия прежде всего сохранения существующего status quo (экономической и политической целостности интересов). Ситуация лишь усугубилась после досрочной отставки А.Г. Бровко и назначения в 2012 г. на пост главы региона очередного «варяга» С.А. Боженова.

Политическая и кадровая неопределенность 2010–2014 гг., обострившиеся противоречия и конфликты внутри региональных политических элит, а также неоднозначные результаты подсчета голосов на выборах в Государственную Думу (2011 г.) и Волгоградскую городскую Думу (2013 г.) вызвали рост недовольства населения Волгоградской области и, как следствие, усиление протестных групп при сохранении общего курса на конформизм согласно выбранному общегосударственному курсу. Отсутствие единой команды в областном правительстве к началу 2014 г. не позволяло проводить последовательный стратегический курс устойчивого социально-экономического развития региона; использовать лоббистские ресурсы в федеральных органах государственной власти. В результате реализации только тактических, зачастую малоэффективных управленческих решений, возрастающей информационной закрытости региональных представительных и

исполнительных органов власти при одновременном росте «теневых» процессов принятия решений представители региональных властных структур и бизнес-сообщества оказались в политическом кризисе. Попыткой разрешения этого кризиса стали очередная «добровольная» отставка С.А. Боженова; назначение исполняющим обязанности губернатора руководителя исполкома центрального штаба Общероссийского народного фронта А.И. Бочарова; попытка проведения открытых, соревновательных одновременных выборов губернатора Волгоградской области и депутатов Волгоградской областной Думы в сентябре 2014 года.

Вполне закономерные итоги региональных выборов показали, что в региональном общественном сознании доминируют негативные идеологемы касательно политического развития Волгоградской области. Так, в проведенном исследовании респонденты на вопрос о том, с чем ассоциируется у них политическое развитие региона, отмечали негативные кластеры («депрессивное» – 27 %, «кризисное» – 23 %, «катастрофическое» – 30 %). И только 24 % опрошенных считают, что политическое развитие Волгоградской области можно охарактеризовать как «стабильное».

Еще одной характерной чертой региональной политической идентичности, проявившейся на этих выборах, стало то, что практически невозможно провести черту по линии идеологических (партийных) предпочтений волгоградцев по шкале «правые/левые». Справедливее говорить о предпочтениях по шкале «власть/оппозиция». В меньшей степени волгоградцы относят себя к носителям правых идей (15 %); более половины опрошенных отнесли себя к «центристам» (30 %) или приверженцам «левых взглядов» (29 %). В то же время такая дифференциация справедлива для социально-экономического разделения, на уровне политических предпочтений «демократия» продолжает оставаться главным притягательным символом. Так, 30 % респондентов считают, что демократия больше других подходит для современной России в качестве политической идеи. Правда, для примерно трети опрошенных такая консолидирующая идея заключается в «социализме» (17 %) или «коммунизме» (11 %). В целом же электоральная

матрица региона совпадает с общефедеральными тенденциями. Не удивительно, что большинство волгоградцев поддержали партию «Единая Россия», общеобластной список которой возглавил А.И. Бочаров (60 %), на втором месте КПРФ (14 %), затем ЛДПР (8 %) и «Справедливая Россия» (5 %), «Родина» (2 %), «Яблоко» (1 %). Остальные 6 партий набрали менее 1 % голосов. Примечательно, что сам А.И. Бочаров, представлявший Общероссийский народный фронт и имевший политическую поддержку его лидера В.В. Путина, на выборах губернатора получил свыше 88 % голосов избирателей [3].

С другой стороны, ключевыми тенденциями становятся инертность и пассивность как ключевые характеристики политического сознания. В этом смысле региональное электоральное пространство, скорее, можно отнести к созерцательному типу, а не к деятельному. Практически половина опрошенных не хотела бы принимать участие в общественной и политической жизни страны («скорее нет» – 30 %, «точно нет» – 18 %); и только треть респондентов готова принимать участие в общественно-политической жизни. Причем 52 % опрошенных удовлетворены возможностями своего участия в политической жизни («вполне удовлетворен» – 22 %, «скорее удовлетворен» – 30 %).

Актуализированный после электорального цикла 2011–2012 гг. протестный потенциал к настоящему времени практически полностью растерял свое потенциальное влияние на политический процесс в регионе. Поддержка несистемных протестных акций находится на минимальном уровне. Оппозиционные митинги, выдвигающие политические требования, не поддерживает половина опрошенных («скорее не поддерживаю» – 16 %, «определенно не поддерживаю» – 36 %). С другой стороны, значительное количество опрошенных считает, что массовые политические акции (митинги, шествия, демонстрации) способны повлиять на политический процесс (41 % респондентов), что все же меньше, чем тех, кто отрицательно ответил на этот вопрос (53 %).

Таким образом, анализируя политическую активность населения Волгоградской области, можно прийти к парадоксальному выводу о том, что несмотря на значительный

интерес к политическим процессам в регионе/стране (пассивное участие), волгоградцы предпочитают находиться в стороне от процесса принятия политических решений и не брать на себя ответственность (активное участие). Это говорит о том, что современная региональная политическая идентичность населения Волгоградской области носит латентный характер, и в некотором роде можно говорить о ее застойной форме. Рост числа конформистски настроенных волгоградцев можно объяснить с позиции частичного выполнения выдвигаемых требований. Так, основными требованиями оппозиционных митингов 2011–2013 гг. были не столько честные выборы, сколько отставка губернаторов А.Г. Бровко, С.А. Боженова. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что участие в протестных акциях стало неактуальным, когда произошла смена главы региона: основное требование было выполнено, а новых, имеющих действительное значение для общественного мнения, оппозиция не сформулировала. В результате протест базируется в своих основаниях на социально-экономических запросах массового общественного сознания.

Тем не менее в ситуации системного управленческого кризиса выборы губернатора Волгоградской области 2014 г. (аналогично ситуации выборов Президента РФ 2000 г.) продемонстрировали ряд важных тенденций. Первые после 2000 г. выборы главы региона продемонстрировали готовность населения не только принять в них участие и высокие результаты относительно малоизвестного кандидата – очередного «варяга», имеющего высокую поддержку в федеральных органах власти и зарекомендовавшего себя в качестве исполняющего обязанности губернатора. Кроме того, это также и своего рода «маркер» политической ответственности населения, готового принять активное участие в разрешении политико-управленческого тупика в области. Высокий кредит доверия должен позволить избранному губернатору решить первоочередные задачи.

Таким образом, фактически очередной «губернатор-варяг» стал для населения основным символом «Другого» в региональном политическом пространстве – своеобразной альтернативой достаточно узнаваемых, но неэффективных региональных политиков; политическим «тя-

желовесом» федерального масштаба, «губернатором-медиатором», способным консолидировать региональные элиты и преодолеть макроэкономическое отставание Волгоградской области от иных субъектов РФ. Кроме того, наличие у нового губернатора звания Героя Российской Федерации достаточно органично вписалось в образ Сталинграда и Мамаева Кургана как основы культурно-символического пространства Волгоградского региона. И в этом смысле регион оказался в общефедеральном тренде. Речь идет о популяризации оборонного сознания и активном поиске новой патриотической идеологии. Все это предполагает оживление символов советских и российских побед, особенно тех, что еще остаются живыми в памяти граждан (Сталинградская битва, контртеррористическая операция на Северном Кавказе и т. д.). Показательной и символичной стала ситуация сентября 2012 г., когда департамент зарубежных связей Администрации г. Волгограда объявил о проведении конкурса на новый бренд города-героя. Широкие общественные дискуссии и обсуждения данной неуместной инициативы показали, что смыслы и образы исторических побед страны остаются основными объединяющими конструкциями для расколотого сознания населения Волгоградской области.

В конечном итоге преодоление в 2014 г. двух доминирующих социальных мифологем в политической идентичности населения Волгоградской области («сталинградские мотивы» и «красный регион») в категориях уникальности, исключительности и особом статусе «города-героя», «города-победителя», «главной высоты России», обусловивших длительный структурный кризис региональной идентичности, позволяет сделать оптимистичные прогнозы относительно разрешения противоречий между представителями власти, региональных элит и населением; преодоления «региональной изоляции» 1990–2000-х гг. и возвращения региона к магистральному политическому курсу страны.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации Гранта РГНФ № 14-33-01202 на тему «Идентификационные стратегии студенческой молодежи в РФ как инновационная основа политической стабильности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жаде, З. А. Российская идентичность как многоуровневая структура / З. А. Жаде. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm>. – Загл. с экрана.
2. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>. – Загл. с экрана.
3. Результаты выборов губернатора и депутатов Волгоградской областной Думы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ikvo.ru/news/7/8742/>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Zhade Z.A. *Rossiyskaya identichnost kak mnogourovnevaya struktura* [Russian Identity as a Multi-Level Structure]. Available at: <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/07jza.htm>.
2. Malakhov V.S. *Neudobstva s identichnostyu* [Inconveniences With Identity]. Available at: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>.
3. *Rezultaty vyborov gubernatora i deputatov Volgogradskoy oblastnoy Dumy* [The Results of the Elections of the Governor and Members of the Volgograd Regional Duma]. Available at: <http://ikvo.ru/news/7/8742/>.

REGIONAL AUTHORITIES AND POPULATION OF THE VOLGOGRAD REGION: VECTORS OF POLITICAL IDENTITY AND COMMUNICATION STRATEGY

Morozov Sergey Ivanovich

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor,
Department of Political Science,
Volgograd State University
si.morozov@mail.ru, polit@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Kuleshova Ekaterina Lvovna

Candidate for a Degree,
Department of Political Science,
Volgograd State University
katen4-4ek@bk.ru, polit@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. There are various instances of local identity in modern Russia. However, vying with it, regional features of national identity must not contradict. At the same time, ethnic, confessional, symbolic, historical markers are being structured in local regional communities in a number of ways.

The main actors who are totally legitimate for building local identities in political discourse are regional political elites. By the identity politics of political actors, social space is structured and “typified”, and own strategies are legitimized. “Leader - electorate” relationship still remains as the key factor which can be used to manipulate public opinion.

The article raises the issue of the current state of the political identity of the population of Volgograd Region. The results of the empirical analysis of the political identity structure are also presented. The authors conclude that the nature of the political identity of Volgograd Region population is determined mostly by its syntagmatic qualities being developed through the mismatch of ideological, electorate and personified levels of the political identity. Furthermore, key features of the political consciousness are inactivity and supineness of the people. Inhabitants prefer not to take part in policy decisions and take no responsibility.

The achievements and the problems on the way of seeking regional political identity originated from the peculiarities of the regional dynamics are also analyzed in the work. Despite the domination of the negative ideologemes in the regional political development, sense and images of historic victories of the country are still the main unifying forces for the separate ways of thinking of Volgograd population.

Key words: identity, public authorities, regional development, regional identification, regional symbols.